

Малевич казнят сербскими
30.01.98

ПО СЛЕДАМ НАШИХ ПУБЛИКАЦИЙ

Постмодернистское «жертвоприношение»

«Дурной вкус ведет к преступлению».

Стендаль

Под играми постперестроечных «бесов» поставлена жирная точка, вернее, знак доллара, намалеванный недогнувшей рукой Бренера на картине Малевича в музее Стеделик в Амстердаме.

Кроме акта чудовищного вандализма и уголовного преступления здесь есть еще очень важный и, может быть, главный оттенок. Заявляя свою свободу на самовыражение, «артист» Бренер уничтожает право на самовыражение артиста Малевича.

Московские «бесы» (прямые наследники Ставрогоина), вскормленные трупным ядом советского коммунизма, паразитируя на нем, ерничая и куражась (кстати, когда это стало абсолютно безопасно), пришли к своему логическому концу — насилию как «творческому акту». Весь свой «творческий путь» (публичная мастурбация, дефекация под картиной Ван Гога в Пушкинском музее и тому подобные акты и акции) Бренер проделывал под аплодисменты московских «интеллектуалов-авангардистов» и был даже назван «художником года».

«Бесы» ничего не создают, они разрушают. Их всех освещает пламя костра, на котором фашисты сжигали книги. В этих отблесках мелькает много знакомых лиц. Бренер уже не мелькает, он уже палач и сам кидает в костер. Предчувствуемая аналогия превратилась в факт.

По иронии судьбы этот акт вандализма произошел в том самом музее, кураторы которого уже много лет являются организаторами и пропагандистами выставок «перестроечного» и «постперестроечного» искусства, спекулятивная функция которого очевидна и связана, с одной стороны, с прямой социальной рефлексией (как соц-арт) и, с другой стороны, с конъюнктурой западного main stream.

Конформистское мышление «быть как все», характерное для толпы, было господствующей идеологией этого искусства (правда, под «всеми» понимались те, кто был важен для карьеры, для продажи). Эти ориентиры определили заведомую вторичность «перестроечного» и «постперестроечного» «авангардизма» (неплохо звучит: «вторичный авангардизм») и их легкую адаптацию в конъюнктурных кругах вокруг искусства. Как издевательство и доказательство того, что мало кто из «специалистов» «в курсе дела», это вторичное искусство упорно называют «нонконформистским». Но нонконформистское искусство, так же, как и судьба, — это не массовая культура, это персональный выбор идти своей дорогой до конца, против всех стереотипов мышления, пошлости и застывших образных штампов. В этом ряду Джойс и Шекспир, Ф.Бэкон и Ван Гог, Шостакович и Достоевский... Именно они дали людям новое видение и понимание мира.

И вот другой ряд — ряд конформизма и пошлости: это крики кикиморы Шмыгова, это национал-большевизм Цитрусова, это сверхмонументы Скульптерели,

это венецианские люстры в гараже Звонцалова, это «шедевры» а ля капитан Лебядкин Элддеперовского и, наконец, публичная мастурбация Бренера.

Россию от бездарности спасать не надо. Вся история России с рядами таких персонажей — это великое произведение, и она еще ждет нового Достоевского для своего описания. Самозванец и шпана Бренер — только один из этого ряда, и в этом, пожалуй, его единственная ценность. Манифест Бренера с объявлением себя новым Сыном Человеческим — и сколько совпаденний-пустышек! — и 33 года, и еврей, и берет на себя грех бездарности (?) России (кстати, это ему, кажется, удалось), но нет самого главного, уже не пустышки и не обманки, — нет жертвы искупления, нет смерти за всех, что и превращает весь демарш Бренера в пошлость и фарс — постмодернистскую игру. И ведь не случайно Великий Режиссер привел этот фарс к трагикомическому финалу: Бренер ставит свой знак, свою подпись — знак доллара на белом кресте Малевича и... приносит в жертву Другого.

Современная «типовая» художественная критика, оперируя такими понятиями, как «дистанцирование», «художественный жест», «художественное намерение», полностью подменяет художественную ценность самого произведения его комментарием, актом «художественного намерения». Это все равно как если бы человека судили не за убийство, а за предполагаемую мысль об убийстве.

Но вот перейдена черта, и Бренер «убил» Малевича. Удастся ли ему на этот раз «дистанцироваться»?

ВЛАДИМИР ЯНКИЛЕВСКИЙ

Париж

Русская мысль - Париж - 1996 - 30 янв - 5 фев 98 - с. 17